

Ольга Гуляева

СЛИВКИ

Ольга Гуляева

Сливки

«Издательские решения»

Гуляева О.

Сливки / О. Гуляева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965753-4

«Сливки» — заключительная часть трилогии о жизни Маргариты Рассказовой. Мир изменчив, а последствия научного прогресса — непредсказуемы. Героиня сталкивается с новой напастью, которая касается не только ее лично, но и каждого живущего на земле. Ей предстоит выяснить, предопределено ли будущее и возможно ли выторговать у судьбы или у кого-то еще второй шанс, если все кажется безвозвратно потерянным.

ISBN 978-5-44-965753-4

© Гуляева О.

© Издательские решения

Содержание

СЛИВКИ	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сливки

Ольга Гуляева

© Ольга Гуляева, 2019

ISBN 978-5-4496-5753-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЛИВКИ

*Будущее не определено.
Мы сами создаем нашу судьбу.*

*Послание Джона Конора
своей матери
Саре Конор, к/ф «Терминатор»*

Часть 1

Глава 1

Первым, что я почувствовала, пробудившись, была приятная тяжесть его руки на моем животе. За последние два года это ощущение стало привычным. Оно наполняло меня радостью от того, что этот человек появился когда-то в моей жизни и остался в ней несмотря ни на что. Ровно через секунду эту мимолетную приятную мысль сменило чувство горечи. Тоже ставшее уже традиционным по утрам, но имеющее более глубокую и болезненную природу.

Это все новый мир, в котором мы жили, вернее не жили, а существовали последние два года. Мир, в котором не было детей. Постепенно, знакомясь с моей историей, вы поймете, почему и как мне удалось пережить их потерю и не сойти с ума. Это было очень сложно. Я не выглядела особенно разумной и адекватной в то время. Но Алекс пришел в мою жизнь очень вовремя, если можно так выразиться.

Он появился сразу после пропажи Митеньки, моего младшего сына, которому было тогда полтора года. Это был тот период, когда моя жизнь только начала налаживаться. Я пришла в себя после потери мужа и с энтузиазмом занималась большим благотворительным проектом. Но мне не стоило расслабляться и забывать о том, что я – это я – Маргарита Рассказова, в жизни которой трагедии мирового масштаба случались с завидной периодичностью, а отрезки счастливой безоблачной жизни можно было сравнить с яркими, но очень кратковременными вспышками. Причем чем дальше, тем короче они становились.

Наверное, по натуре я оптимистка, если думала, что смерть моего мужа Владислава Жданова, которую он сам спланировал ради спасения человечества, была для меня финальным испытанием. Целый год после его ухода у меня был на то, чтобы убедиться, что он отдал жизнь за мир, спокойствие и безоблачное будущее наших детей. А теперь их нет. И все потеряло смысл. Моя жизнь, насыщенная испытаниями последние пятнадцать лет, начиная с аварии и приговора суда, тюрьмы, чудесного спасения, проекта Затмение, взрыва, последующего заточения, продолжая надвигающимся апокалипсисом, и заканчивая смертью моего любимого мужа – все оказалось пустым и бессмысленным.

В последнее время я часто представляла себе, что тогда, в комнате свиданий следственного изолятора, я сказала бы Владу нет. Да, я отправилась бы в тюрьму на тринадцать лет. Хотя на самом деле могло выйти меньше с учетом многочисленных амнистий, которые проводились в то время, когда я должна была отсидживать несправедливо пришитый мне срок. Но, возможно, тогда бы сейчас мое сердце не сжигала бесперебойная боль.

Конечно, что ни говори, но если горе является общим для большой группы людей, то оно немного рассеивается и притупляется. Взаимная помощь и поддержка делают свое дело. Правда мне, закаленной уже испытаниями, пришлось взять на себя львиную долю забот по организации кризисного центра.

Когда пропал Митя, я, конечно же, полагала, что хуже быть не может. Но все по порядку. Это случилось два года назад в разгар лета и на пике моей благотворительной деятельности, связанной с устройством детских домов. Ресурсов, оставленных Владом, хватало на то, чтобы выкупить несколько самых комфортабельных санаториев и курортных комплексов в пригородах крупных городов и переселить в них воспитанников детских домов. В планах была новая программа усыновления. А на тот момент шел активный подбор персонала высокого уровня. Вкратце – все шло к тому, чтобы детдомовская жизнь перестала быть приговором, а превратилась во благо, если можно так выразиться. Мы создавали элитные центры, объединяющие в себе ясли, сады и школы, которые должны были выпускать в жизнь подготовленных образо-

ванных молодых людей. Эти центры призваны были стать доступными для любого ребенка, лишившегося по каким-либо причинам своих семей.

Все шло по плану, я лично контролировала процесс, почти каждый день навещала центры. У меня была группа сподвижников, в которую входили и мои старые друзья, которым я доверяла. Поэтому дело шло споро, не было места проволочкам и коррупции.

Мои старшие дети были заняты в школе и кружках, а я целыми днями моталась по делам вместе с Митей. И вот в однажды, я, как всегда, приехала в один из детских домов нового поколения и как обычно оставила Митю в большой детской комнате на время планового совещания. Когда мы закончили и вышли из конференц-зала, меня накрыло страшное предчувствие. Сотрудники детдома тоже выглядели озадаченно. Было тихо. Слишком тихо для подобного заведения. Даже если бы сейчас был тихий час. Мы находились в корпусе для самых маленьких – для детей ясельного возраста. Они никогда не замолкали по команде.

Все сбились с ног в поисках детей. Никого не было. Няньки, наблюдавшие за ними, вообще ничего внятного сказать не могли. Вроде как моргнули, а детей нет. К вечеру вся территория бывшего санатория была забита полицией и МЧС, но ни одного ребенка так и не нашли.

На следующий день стали поступать сообщения из разных уголков страны о подобных случаях, но пока менее масштабных.

Я перестала выпускать из дома старшего сына и дочь. Андрюше на тот момент было девять лет, а Соне семь. И сразу обратилась в охранное агентство. Алекс был там главным. Он лично и взялся за обеспечение безопасности моей семьи.

Я разрывалась между попытками участвовать в поисках пропавших малышей и желанием не отходить ни на шаг от сына и дочери. Дети продолжали пропадать по всей стране. Причем если сначала они исчезали массово из детских заведений, то когда обезумевшие от страха родители посадили детей под замок, те начали исчезать прямо из домов, прямо из своих кроваток. Со временем удалось установить некоторую закономерность. Исчезали только дети возраста строго до десяти лет. Мои были в зоне риска. И я сильно паниковала, параллельно бросая все силы на поиски Мити. Алекс был всегда рядом, поддерживал, успокаивал, обнадеживал.

Одним своим видом он внушал доверие: высокий, сильный, спокойный и уравновешенный. Про таких говорят – как за каменной стеной. И хоть я и была безутешна, но думаю, без него мне было бы намного хуже.

Когда исчезновение детей приобрело уже мировой масштаб, Алекс определил места, из которых, по его наблюдениям, дети почти не пропадали. Ближайшее относительно безопасное место обнаружилось в Средней Азии, и мы решили отправить туда Андрюшу с Соней. Я с ними не поехала, потому что не смогла бы спокойно сидеть и ничего не предпринимать для поисков Мити. Да и для остальных детей от меня было бы больше пользы, если б я попыталась как-то распутать этот клубок тайн страшных пропаж.

С детьми я отправила своих родителей, которым доверяла как себе. О том, что они слабы физически можно было не беспокоиться. Алекс предпринял все меры для безопасной перевозки и организовал группу сопровождения.

Несмотря на все предпринятые меры, я ни на грамм не чувствовала себя спокойно. И не безосновательно. С пол пути пришло сообщение, что мои дети пропали. Прямо из движущегося трейлера, который был оборудован специально для их транспортировки в предположительно безопасный район – прямо из-под носа их бабушки и дедушки.

Алекс стал свидетелем истерики, которая случилась со мной в ту ночь. Он достойно принял весь шквал обрушившихся на него безосновательных обвинений. И на утро третьего дня, после того как мне впервые удалось забыться тревожным прерывистым сном, я впервые пробудилась под тяжестью его ладони.

Тогда между нами еще ничего не было, сближаться мы стали гораздо позже. Когда я немного научилась жить с бременем невосполнимой потери и посвятила себя созданию кризисных центров для таких же несчастных матерей как и я, лишившихся своих чад.

Глава 2

– Ты уже в Центр? – Алекс открыл глаза и застал меня крутящейся перед зеркалом, – Всего лишь восемь утра.

– Да, мамочки с каждым днем приходят все раньше и раньше, как будто надеются, что я скажу им что-то новое, – с досадой ответила я, натягивая синие зауженные джинсы с небольшими отворотами.

На самом деле, кризисный центр на базе бывшего Центра Жданова, а в последующем благотворительной организации, в которой по понятным причинам отпала необходимость, создавался именно с целью аккумуляции и выдачи информации о ходе поиска пропавших детей. Помимо этого, там ежедневно работали пункты психологической помощи. Они были востребованы по сей день. А вот с информацией дело обстояло туго: ни одного верного следа за два года с момента исчезновения первых деток.

Так что срочных дел не было, просто я избегала долгих залеживаний в кровати. День проходил как-то легче, если удавалось начать его активно, не давая себе расслабиться и погрузиться в мрачные мысли.

– Подожди, я с тобой, – Алекс резко поднялся и белая простыня соскользнула с обнаженного крепкого смуглого тела.

Я не уставала любоваться им. Он не был слишком мускулист, скорее немного сбит, но сложен на удивление хорошо для своих почти двух метров. Особенности его внешности легко объяснялись происхождением – его мать работала в олимпийском комитете и согрешила с баскетболистом из Гваделупы.

Я держала себя в форме. Вечерами пропадала в зале, который игнорировала всю сознательную жизнь. Но именно сейчас он помогал мне разгружаться морально, выплескивать негатив.

А вообще мы жили вполне спокойной светской жизнью. Утром кофейни, вечером хорошие рестораны. Со стороны мы походили на счастливую бездетную пару, которая живет для себя, но все прекрасно знали мою историю, потому что знали меня.

После смерти Жданова я получила ярлык вдовы. Ничего удивительного. Вполне логично. Но Влад был настолько популярен, что у каждого второго социально-вовлеченного индивида это слово вызывало ассоциации именно со мной. Оно стало нарицательным.

СМИ следовали за мной по пятам, и если сначала они пристально наблюдали за моей благотворительной деятельностью, чего я не пыталась пресекать, то с момента пропажи они сосредоточились на моей реакции и моих страданиях. Их пристальное внимание поначалу напрягало. Но потом я плюнула на это и сконцентрировалась на более важных вещах. Алекс помог мне в этом, хотя именно его появление рядом со мной стало настоящей сенсацией.

«Вдова сняла траур» – и тому подобные заголовки замелькали то тут, то там, порой вытесняя и отодвигая на второй план историю с пропажей детей. Но для меня по-прежнему не было ничего важнее, поэтому я научилась игнорировать их. И получалось неплохо, несмотря на то, что на какое-то время мы стали самой фотографируемой и обсуждаемой парой в городе, а то и в стране. Не знаю. Пожалуй.

Алекс убеждал меня не тратить нервы еще и на это. Он почти всегда был рядом и всегда держал меня за руку. Он научил меня не прятаться, не стесняться новой жизни и не чувствовать вины за новые отношения.

И он был прав. Кто бы поддержал меня, если б не он? Репортеры? Журналисты? Полиция и федеральные службы, которые ни на йоту не продвинулись в расследовании за последние два года? Или Влад с того света?

Ей богу, я бы сошла с ума. Я бы бесконечно взывала к нему и в итоге помешалась бы.

Я уже накидывала поверх светлой майки белый пиджак с массивными золотыми пуговицами, когда Алекс вышел из душа.

– Жду-жду, – успокоила я его.

Он, как всегда, не смог просто так пройти мимо, не чмокнув меня в шею.

Пока он одевался, я собрала волосы в тугий хвост, подкрасилась и завершила образ объемными серьгами-кольцами.

На выходе подхватила белую сумку Биркин, и мы вместе спустились в подземный гараж.

Своеобразным спасением послужил мой переезд к Алексу. Смена обстановки пошла на пользу. В дом, где было три пустых детских комнаты и куча их вещей, я навевалась крайне редко.

Я никогда не жила так долго спокойной беззаботной жизнью, в достатке, и в полной идиллии с мужчиной. Идиллии, которая не надоедала. Эти отношения дарили мне покой и умиротворение неведомые раньше. Но и такой внутренней боли и тревоги я никогда не испытывала. Хотя на протяжении жизни в те или иные моменты мне казалось, что я в аду, например, когда меня терзала запретная любовь, или когда спустя совсем недолгий счастливый период, муж разоблачил меня в измене, за которую я уже давно покаялась, и разлучил с детьми накануне глобального апокалипсиса – но то были цветочки. Хотя тогда я была беременна Митей и жутко переживала за Андрюшу с Соней, но все же испытание длилось не так долго.

Оглядываясь назад, я напоминала себе, что даже периодам, которые казались мне самыми безнадежными, наступал конец. На смену самой темной ночи приходило утро, на смену самой лютой зиме – весна. Я держалась на том, что продолжала верить, что и на этот раз каким-то образом все образуется и старалась делиться этой верой с нуждающимися.

– Отлично выглядишь, – Алекс не уставал мне об этом говорить.

Мы сидели в любимой кофейне и потягивали ароматный латте.

– Ты тоже принарядился сегодня, – заметила я с улыбкой.

Светлый пиджак выгодно оттенял его и без того смуглую кожу. Вообще он и в обычной одежде всегда выглядел очень статусно.

– Провожу тебя и поеду на встречу с министром. Он хочет усилить охрану.

– Зачем? Его детям уже давно не десять.

– Его можно понять. Почему ты так уверена, что концепция, – он замялся подбирая это слово, – не изменится?

Я отметила, что он не добавил слово «их» – *их* концепция. Все же логично было предположить, что исчезновение детей это все-таки чьих-то рук дело. И мы это неоднократно обсуждали, но так и не пришли к единому мнению. Слишком много споров – на слова *они* и *их* мы наложили временное табу.

– Потому что я думаю, что это именно концепция. Которая по каким-то причинам строго соблюдается.

Алекс проводил меня до дверей Центра. Я уже привыкла к подобной опеке, хотя изначально мне это казалось очень трогательным. И именно эта его манера сопровождать меня везде и всюду поначалу притупила бдительность журналистов. Пока он не начал брать меня за руку, все были уверены, что это мой телохранитель. По сути, так оно и было, хотя мне бы и в голову не пришло нанять охрану для себя после исчезновения детей. Я бы наоборот была только рада оказаться там же где и они. Но поскольку туда меня никто не приглашал, Алекс выполнял более важную функцию, чем охрану моего тела, и да, как я уже говорила – он был мне необходим.

Конференц-зал в десять утра был уже наполовину заполнен безутешными матерями. Кто-то дожидался своей очереди к психологу, кто-то просто пришел пообщаться, кто-то по привычке ожидал меня.

Я знала, что они надеются, что я что-то скажу, и я говорила то, о чем думала.

– Мы не должны отчаиваться. Что-то странное и необъяснимое случилось с нашими детьми, но тем больше вероятность, что таким же необъяснимым образом все и разрешится. Прошло много времени, но надежда есть. Есть надежда на то, что они живы, – я слотнула, – Кто может с уверенностью сказать, что чувствует сердцем, что его ребенок жив?

Я первая подняла руку, и меня поддержали все собравшиеся. Кто-то с большей, а кто-то с меньшей уверенностью. Замешкалась только беременная девушка в первом ряду. Но руку подняла. Ей ли не быть уверенной?

Хотя судьба ее будущего ребенка была предрешена. С новорожденными случалось то же самое. Поэтому рождаемость во всем мире снизилась за последний год на девяносто процентов, а количество аборт увеличилось примерно на столько же.

Самые циничные так и рассуждали – зачем нам мучиться девять месяцев, чтобы тут же лишиться новорожденного.

Иные впадали в другую крайность – надеялись на чудо и видели единственное для себя спасение в рождении нового ребенка, которого они намеревались уберечь любой ценой. Но этого сделать не получалось, что приводило к плачевным итогам. Несложно было спрогнозировать, что количество оптимистов будет со временем только уменьшаться, и тогда процент рождаемости неумолимо устремится к нулю.

В свою очередь я верила в то, что говорила. Я делилась с женщинами многими своими историями, чтобы доказать им, что выход может найтись из самой безнадежной ситуации. Главное – не отчаиваться раньше времени.

Основным аргументом в пользу того, что дети живы было то, что никто не видел их мертвыми. Ни одного из миллионов уже пропавших детей. Ну невозможно спрятать такое количество тел. С другой стороны – живых спрятать еще сложнее. Приходилось, рассуждая проговаривать все это вслух. И это было тяжелее всего.

Одна из женщин воспользовалась паузой и спросила:

– Как обстоят дела с моей версией?

Несколько месяцев назад она выдвинула идею о том, что детей забрали инопланетяне. Скажу честно, я сама подумывала иногда о такой возможности. Это многое объясняло – и таинственность исчезновения и его бесследность: ни детей, ни их тел. Признаюсь, эта версия мне казалась даже немного обнадеживающей, ведь инопланетяне могли забрать наших чад временно, чтобы всего лишь исследовать или проводить эксперименты. По крайней мере, самые первые истории про НЛО, которые я слышала еще в детстве, были именно такими: кого-то похищали инопланетяне и через какое-то время возвращали обратно. И в глубине души, просыпаясь каждое утро, я надеялась, что сегодня именно тот день, день, в который пришельцы вернут моих детей.

Я даже не удержалась и поделилась этой версией с Алексом. До сих пор гадаю, показалось мне, или он тогда улыбнулся краешками губ. В любом случае всерьез он это предположение не воспринял. Я обижалась, потому что он не предлагал никаких других альтернативных объяснений. А потом ему стало известно, через друга-военного, что, оказывается, спецслужбы тоже рассматривают эту версию как одну из основных. Но все же он настаивал, что так им проще всего выдвинуть хоть какое-то объяснение, не требующее доказательств. Где их взять? В космосе что ли? Алекс был убежден, что эта версия – пустая трата времени.

Я ответила женщине, что версия рабочая. И честно сказала, что тоже считаю вполне вероятным вторжение инопланетных сил.

Но у меня, на основании моего же жизненного опыта, было и несколько других предположений.

Во-первых, Влад мог не предусмотреть чего-то, и в результате кто-то из клонов выжил и продолжил темные дела.

А именно – эксперименты над детьми. Это так на них похоже. После того что они вытворяли с климатом несколько лет назад.

Во-вторых, в этом мог участвовать и уцелевший клон самого Влада? Быть может, они на время затаились и вынашивали эту идею, готовили спецоперацию.

Очень уж массовый характер произошедшего напоминал мне операцию «Затмение». А много позже Влад рассказывал, что с помощью схожего по принципу действия механизма, он покончил со всеми клонами. Так что ему или его последователям ничего не стоило проверить то же самое с детьми, нацелившись на определенную возрастную категорию.

Я ничего не соображала в этих делах, да и спросить не у кого было после истории с клонами и расформирования Центра Жданова.

Я, конечно, попыталась поделиться соображениями со своей старой подругой еще со времен базы – Жанной. Но она, при такой же заинтересованности как и у меня в распутывании этого дела (пропал ее внук), призналась, что не имеет ни малейшего представления о действии подобного механизма.

Порой я воображала, что Влад инсценировал собственную смерть и продолжил реализацию каких-то замыслов.

Это было бы большим облегчением, с одной стороны, ведь он бы ни за что не навредил своим собственным детям. С другой – это бы означало, что он снова решил мне за что-то отомстить. Но с чего бы? Алекс появился в моей жизни уже после исчезновения Мити. Либо ситуация вышла из-под контроля, как в случае с клонами.

При обоих вышеозвученных вариантах – все дети могли находиться на какой-то скрытой территории, подобной базе. Саму базу проверили в первую очередь, и там, конечно же, никого не оказалось. Но для такой глобальной операции ее территории даже близко бы не хватило. Всеми пропавшими детьми можно было бы легко заселить небольшой континент.

Любыми, даже самыми абсурдными предположениями, я делилась с Алексом. Он как-то сказал мне, что можно добиться эксгумации тела Влада. Но я наотрез отказалась. Мало ли чего я себе надумала в бреду. Если в чем-то у меня и была твердая уверенность, так это в том, что Владислав Жданов умер и покоится в своей могиле уже больше трех лет.

Самыми безутешными мне казались мамы малюток.

Если честно, у меня у самой больше всего душа болела за беззащитного Митю. Андрюша с Соней были уже в сознательном возрасте и могли хоть как-то позаботиться о себе. Хотя, все относительно. Быть может, больше повезло тем, кто не осознавал, что с ними происходит.

Кроме того, я не могла не думать о том, что Митя даже и не вспомнит меня спустя два года. Это при условии, что они вернут его прямо сейчас.

Они. Несомненно, были какие-то они.

На это я и делала акцент:

– Все что нам нужно, это найти группу злоумышленников, которые тем или иным образом спровоцировали массовое исчезновение. Они точно где-то есть. Их не может не быть. Мы обязательно их отыщем, и они приведут нас к нашим детям.

Глава 3

Хватит с меня страстей, я насытилась ими с лихвой. Теперь меня вполне устраивает, что меня просто любят, просто обнимают и заботятся обо мне. Хороший человек, который живет обычной жизнью. С правильными приоритетами, здоровым чувством юмора, способный улавливать мое настроение и поднимать его при необходимости. Не гений и не спаситель человечества. Но и не романтичный отчаянный юноша. Он поладил с моими детьми и готов воспитывать их, когда они вернутся. Когда их вернут.

Люди, которых я любила, ушли. Моя первая большая любовь и самая большая ошибка Жан отказался от лечения наследственного заболевания. Он провел свои последние дни с семьей. Я заставила себя принять минимальное участие в его судьбе, так как в свое время уже успела переборщить с этим. На этот раз мое дело было просто предложить помощь. Насколько я знаю, он успел побыть с детьми до их исчезновения. Вероятно, он ушел даже раньше. Потому что не примчался ко мне за объяснениями происходящего. Он всегда так делал. Во всех своих бедах он винил Жданова, а в его отсутствие – меня.

Прошлое разрывало со мной связь, забирая людей, которые когда-то были важной частью моей жизни. Порой мне хотелось ответить ему взаимностью. Оно давило на меня невыносимым грузом. Мне часто снились база, Солнечная, период моих скитаний во время разбушевавшихся стихий.

Стоило ли столько всего пережить, чтобы в тридцать пять лет начать новую жизнь? Спокойную и размеренную. Без надрыва и борьбы за существование.

Даже Жданова я не очень любила вспоминать. Как бы я его не боготворила, за все годы, счастливы вместе мы были очень короткий период. Основную часть времени наши отношения были полны то ненависти, то снисхождения, то борьбы с ним, то с собой. Возможно, тогда это было необходимой долей адреналина для моего крутого нрава, но не сегодня.

Случись сейчас со мной все то, что я пережила, я бы уже, наверное, не выдержала. Но если аналогичный путь придется пройти во имя спасения детей, то я готова. Только бы мне указали направление. Неведение сводило с ума.

Алекс присел за столик напротив меня:

– Давно ждешь? Извини за опоздание.

Я сидела в нашем любимом рыбном ресторанчике. Но настолько погрузилась в собственные мысли, что даже не заметила его задержки.

– Ничего. Я не спешу.

– Заказала что-нибудь?

– Только воду.

Я указала взглядом на пустой стакан с трубочкой, который и не заметила, как выпила.

– Выбери нам что-нибудь на двоих, – попросила я.

– Хорошо, – охотно согласился Алекс.

Глядя на него, я вдруг представила, что мы встретились после того, как я отсидела лет пять-шесть, отказавшись принять предложение Жданова, и вышла по амнистии. Или пусть даже весь срок. Если бы отмотала все положенные тринадцать, то освободилась бы только пару лет назад. За это время я бы вряд ли успела завести и, соответственно, потерять детей.

Но кто сказал, что Алекс бы в таком случае сидел сейчас напротив меня, а воспоминания о тюрьме терзали бы меня меньше, чем мысли о реальных потерях.

Надо смотреть правде глаза – той жизнью, которую я прожила до сегодняшнего дня, я обязана Владиславу Жданову. Со всеми взлетами и падениями, радостями и печалью, восторгами и разочарованиями. Лишь бы только исчезновение детей не было связано с последствиями деятельности его Центра. За такое я ему точно никогда не сказала бы спасибо.

Алекс уже давно сделал заказ и терпеливо ждал, когда я выйду из привычного оцепенения. Я встрепенулась и виновато улыбнулась. Он, конечно же, очень хороший и понимающий и сильный и готов решать все вопросы за двоих – от заказа ужина до поиска моих детей, но он не железный и не святой. Рано или поздно ему надоеет моя унылая, хоть, по его словам, и очень красивая, физиономия, и тогда я останусь совсем одна.

Я взяла бокал с белым вином, который официант только что поставил передо мной на белоснежную скатерть, сделала глоток и принялась рассказывать Алексу о событиях сегодняшнего дня.

Это была пустая болтовня: кого видела, что слышала, как отреагировала. Центр помощи матерям был не самым привлекательным местом, но там постоянно что-то происходило. Особенно, когда туда заявлялись безутешные отцы. Приходилось объяснять им, что мы не располагаем никакой информацией о поисках и не несем ответственность за их ход. Мы всего лишь аккумулируем информацию, оказываем психологическую помощь и поддержку. Женщины были в этом плане намного терпеливее. В основной своей массе они вели себя тихо как мышки, со скорбной благодарностью принимая помощь Центра.

Больше для собственного, чем для моего спокойствия, Алекс настоял на усилении охраны в Центре.

Он любил слушать мои рассказы и часто смеялся, когда я описывала ему тот или иной казус. Мне нравилось веселить его, автоматически и у меня поднималось настроение, особенно, если разговор заходил на отвлеченные темы.

Именно такого внимательного и благодарного слушателя мне не хватало, когда я проводила огромную работу по обустройству детдомов. Чего только не происходило в процессе этой деятельности! Но тогда я и подумать не могла, что в моей жизни в ближайшее время появится мужчина. Я была вдовой с тремя детьми и светлой целью. Но все исчезло в один миг. Сейчас у меня остался только мужчина.

Говорят, что беда не приходит одна, а я бы добавила, что и счастье не преподносится в комплекте. Ожидая благополучия по всем фронтам: здоровье, любовь, карьера, деньги, дети, родители – мы забываем жить здесь и сейчас и наслаждаться именно тем, что имеем в данный момент.

Поэтому, демонстрируя перед Алексом приподнятое настроение, я не лукавила. Я действительно радовалась его обществу и ценила каждый миг, проведенный вместе.

В моей жизни случалось столько неожиданных поворотов и непредсказуемых перемен, когда все переворачивалось с ног на голову, что было бы непозволительной роскошью принимать что-то хорошее как должное.

А самым хорошим в наших отношениях являлась взаимность. Я была не просто благодарна Алексу за его заботу и внимание, довольно давно ко мне пришло осознание, что я влюблена в него также как и он в меня.

И для меня это было ровно также неожиданно и удивительно, как, к примеру, для парализованного почувствовать вновь свое тело и совершить марафонский забег.

А с учетом всех обстоятельств, то что происходило между мной и Алексом походило на пир во время чумы.

Правда, не все были в состоянии оценить ее масштабы.

Город жил вполне обычной жизнью. Оправившись после воздействия клонов, он больше не погружался в серость и уныние. Логично, что природные катаклизмы и их последствия нанесли больший внешний урон, чем переживания и страхи, связанные с исчезновением детей.

Опустели детские площадки, кое-какие центры развлечений для самых маленьких, роддома и детские поликлиники. Но все это не бросалось в глаза, если смотреть со стороны.

Люди не отказывались от привычных развлечений – кино, рестораны и бары работали в обычном режиме. И что уж говорить о бездетных, если даже я, мать троих пропавших без

вести детей, вела непринужденную беседу на веранде модного общепита, заполненной молодыми успешными людьми, расслабляющимися после рабочего дня.

Кого заботит то, как тошно мне было в глубине души? Сколько вокруг таких же как я – замаскированных под счастье? Быть собой легче всего было в Центре – общепризнанном месте скорби. Возможно, именно поэтому он так притягивал и меня, и других матерей. Оказываясь там, где люди поддавались безудержному веселью, хотелось подойти к каждому, постучать по голове и поинтересоваться – вы вообще в курсе что грядет? С другой стороны, это было глупо, и я это понимала. Я сдерживалась и переубеждала себя ради Алекса, да и ради всех, кто по сути не заслужил страдания. Что бы ни случилось – никто не обязан горевать. Даже если завтра конец света – это не значит, что все должны пасть на колени и поддаться всеобщему отчаянию.

Никто не объявлял официального траура, но он поселился в сердцах людей. Возможно, пока еще неосознанно, но многие изменили модель поведения. Молодежь перестала стремиться к знакомствам и созданию семьи. Больше бессмысленных тусовок и гулянок, или, напротив, утопических философий в пользу одиночества и погружения в себя.

Не нужно большого ума, чтобы, проанализировав простые факты и заглянув в недалекое будущее, догадаться, к чему все идет. *Некто* не просто заставил нас жить последние два года без детей, но побудил таким образом добровольно отказаться от продолжения рода на Земле. Женщины способны к репродукции, но никто больше не беременеет специально, а если выходит случайно, то сразу идет в больницу или аптеку. Фармакология обогатилась на продаже контрацептивов и abortирующих средств.

Самыми младшими людьми на сегодня являлись двенадцатилетние, которым было уже десять на момент массовых исчезновений. Конечно же, они сразу стали объектом пристального внимания и неумной заботы. Так вышло, что столь дорогой ценой частично решилась проблема, над которой я только начинала работать – девяносто пять процентов детдомовских детей в возрасте от десяти до пятнадцати-шестнадцати лет разобрали по семьям. А ведь до этого они были абсолютным неликвидом, простите за выражение!

Если задуматься над природой этого явления, то все объяснялось предельно просто. Первым это озвучил Алекс, но я вынужденно с ним согласилась: люди, лишившиеся детей или возможности их иметь в будущем, не хотели лишать себя шанса о ком-то заботиться и иметь полноценную семью. Это именно они первыми потеряли надежду на то, что все образуется и быстренько подсуетились, обеспечив себе тыл в виде тех, кто в благодарность за недолгую заботу поднесет им в старости стакан воды.

Это, конечно же, весьма циничная интерпретация. У многих складывались прекрасные семьи, в которых дети чувствовали себя везунчиками, а приемные родители дарили неподдельную заботу и любовь. И все же, на создание таких очагов людей подталкивали страх и безысходность, а не природное благородство.

Но я не спешила их осуждать. Напротив, как показывало время, они оказались самыми дальновидными. Пройдет еще несколько лет, и их можно будет считать последними людьми, познавшими счастье отцовства и материнства.

Такими темпами через шесть лет на земле не останется несовершеннолетних. И несложно предположить насколько сократится к этому времени население планеты.

Глава 4

– Кто-то заселяет нашими детьми какую-то планету. Это же ясно как день!

Естественно, подобные реплики доносились до моих ушей постоянно, и не обязательно было для этого находиться в стенах Центра.

Я всего лишь тягала гантели в тренажерном зале, и в момент, когда музыка в наушниках затихла, откуда-то слева прогремела эта фраза.

Хорошо, что в последнее время мало кто подходил ко мне в общественных местах, но две барышни в ярко-розовых обтягивающих лосинах, обсуждающие глобальную проблему, бесцеремонно поглядывали в мою сторону.

У меня для таких случаев всегда имелась визитка Центра: я готова поговорить с вами на эту тему, но для этого существует специальное место.

Но пока они не осмеливались подойти ко мне, я делала вид, что не замечаю их.

И все же, сквозь начало следующей мелодии, я продолжала слышать громкие обсуждения.

– А я думаю, что это не кто иной, как наши доблестные спецслужбы!

– Выходит, они сговорились по всему миру?

– Был бы жив Жданов, все дорожки привели бы к нему.

– А чем Вдова хуже? – моя левая сторона уже горела от пронизывающих взглядов, – Она с ним с самого начала. И эта парочка все делала сообща – и зомбировала, и клонировала. Зря, зря ее сняли со счетов.

Я не выдержала, повернула голову и кинула на сплетниц многозначительный взгляд исподлобья.

Они замаялись, потоптались на месте и, продолжая поглядывать на меня с осуждением и легким испугом, попятились в сторону.

То-то же. Никогда. Никогда у особ подобного склада не хватит смелости подойти ко мне и высказать свое мнение в лицо.

Очевидно, у них не случилось серьезных потерь. Тут у меня глаз был наметан. Но это вовсе не значило, что им следует закрыть рот и никогда не обсуждать эту тему. Каждый имеет право порассуждать о том, что напрямую касается дальнейшей судьбы человечества. Меня жутко бесило другое: в какой фарс они это превращали, да еще смели обвинять во всем меня.

Хотя, к подобным выпадам у меня уже выработался иммунитет. Во многом благодаря Алексу, с очередной поправкой на то, что без него я бы вообще свихнулась. Гнет был жуткий. Группы людей накинулись на Благотворительный Центр чуть ли не с тем же остервенением, с каким когда-то чуть не разгромили Центр Жданова.

Действительно, ситуация выглядела абсурдной до безобразия. Не покидало чувство, что кто-то намеренно подставил меня, ведь именно я спровоцировала сбор большого количества детей в одном месте. Детские дома нового поколения имели несоизмеримо большие площади, чем старые и вмещали в себя детей из нескольких таких заведений.

В свете трагических событий моя деятельность со стороны походила на сортировку детей по возрастам для удобства их похищения. То время было сушим адом вкупе с переживаниями по поводу моих собственных детей. Впрочем, вероятно именно они отвлекали меня от шквала обрушившихся на мою голову обвинений.

Чуть позже, когда бедствие приобрело мировой масштаб, меня постепенно оставили в покое, но отголоски остались. Даже в Центре от меня время от времени требовали объяснений.

Хотелось ли мне сбежать от всего этого? Да. И я сбегала. Благо, были надежные места. Правда, я не просто прохлаждалась там, но и блуждала в поисках ответов.

Влад оставил мне все «ключи» от базы и Солнечной. База – это место, куда мой будущий муж привез меня спасая от тюрьмы, когда мне было двадцать лет. Мы прожили там десять непростых лет – в ненависти, в страхе, в смирении. А потом, вернувшись туда снова спустя годы, в поисках очередного спасения, мы провели там три счастливых дня после рождения Мити и накануне ухода Влада.

База – это место с особенной энергетикой, способное заикливать нужным образом все жизненные процессы. Если что-то началось на базе, то чтобы это закончить или найти ответы на мучающие вопросы – нужно туда вернуться.

Я родила там всех своих троих детей! Куда еще мне было податься?

Деревня Солнечная – прародитель базы. Невидимый тыл. Такой же невидимый, как и сама база. Только если последняя была таковой благодаря защитному куполу, то Солнечная оставалась недоступной постороннему взгляду по каким-то неведанным причинам.

Там провёл своё детство мой муж Владислав Жданов. Потому что именно в эту деревню в свое время сослали его отца, Сергея Жданова, который стал основателем научной секретной базы по соседству.

Этот старик живет там по сей день. Правда, на свою печальную радость, он в свои сто пятнадцать лет уже не осознавал потери сына.

Там же жила кормилица Влада, пышущая деревенским здоровьем женщина средних лет, Серафима. Именно она утешала меня в первые, самые тяжёлые дни, после ухода Влада.

В ее же объятиях я оказалась, после того, как безуспешно попыталась найти следы детей на базе или в Солнечной.

Я была ужасно раздосадована тем, что база так жестоко предала меня, встретив удручающей тишиной и пустотой. Перед глазами ясно вставала картина, которую я увидела здесь пятнадцать лет назад, впервые сюда попав. Это был целый город, несколько сотен таких же как и я несправедливо осуждённых с энтузиазмом строили здесь свою новую жизнь.

Представьте себе, что спустя годы вы оказались на заброшенной территории пионерского лагеря, в котором провели все своё счастливое и не очень детство. И в нем настолько пусто и тихо, что призраки прошлого устраивают дикий пляс у вас в голове, лишь бы заглушить эту безнадежную тишину. И усильте это впечатление в десятки раз. Прийти туда было актом мазохизма, но таким же необходимым мероприятием, как, например, навестить умирающего близкого.

Проведя в Солнечной (на базе не смогла) несколько дней, я вернулась в Москву с чувством выполненного долга и силами бороться дальше.

Сегодня, стоя под тёплыми струями воды в душевой элитного спортивного комплекса, я почувствовала, что силы на исходе.

Мысленно я рассекала ближайшее будущее на отрезки. Вот у меня впереди два месяца, которые я обещаю себе прожить держась достойно и веря в благополучный исход. В глубине души я всегда надеялась, что мне не придётся продлевать этот срок. Но судьба распорядилась по-другому. Сейчас как раз подошёл к концу очередной такой отрезок.

Я направлялась к машине со спортивной сумкой наперевес. Слегка подсушенные феном волосы спадали на голые плечи.

Июль выдался жарким и воздух был пропитан запахом жженой травы. От этого аромата у меня случился резкий приступ ностальгии. Он лишний раз напомнил мне о жизни на природе и дорогих сердцу местах.

Алекс встретил меня с бокалом вина. На столе ждали морепродукты, которые мы не доели за ранним ужином на веранде ресторана и попросили упаковать с собой. После тренировки наша запасливость оказалась очень кстати.

Алекс любил включить фильм на большом экране домашнего кинотеатра. Я всегда составляла ему компанию, но в глубине души думала, что это фарс. Вся моя жизнь – сплошной блокбастер!

Когда-то давно мой первый наставник на работе мечты в модном глянцево-м журнале Павел Бой, посоветовал мне написать книгу. Правда случилось это при определенных обстоятельствах – мне предстояло длительное тюремное заключение. Он советовал мне скоротать время таким образом, считая, что я могла бы оформить все свои статьи и заметки в некое целостное повествование. Я даже приняла эту идею со всем возможным на тот момент энтузиазмом. Но в тот же день сама стала героиней долгой, тянущейся по сей день саги.

И, если бы жизнь не преподнесла мне очередную, мягко говоря, головоломку, именно сейчас было бы в пору написать о всех своих приключениях. Эдакие мемуары в жанре остросюжетного триллера. Но мое душевное состояние было слишком шатким, чтобы снова пережить все моменты связанные с Владом и детьми.

– Как ты? – Алекс был внимателен к моему состоянию и частенько выводил из задумчивого оцепенения.

– Кажется, что сил больше нет, – честно призналась я, – И не знаю откуда их черпать.

– Хочешь снова съездить в Солнечную? Или на базу? – он помнил, что в прошлый раз это помогло.

– Пока нет. Может, это и хорошая идея, но я просто не хочу никуда уезжать сейчас.

– Жаль. Мы могли бы и вдвоем совершить небольшое путешествие и развеяться.

– Понимаешь, это тот случай, когда от себя не убежишь.

– Понимаю. Поэтому рискну посоветовать тебе еще раз место, где тебе помогут именно с этим. Ужиться с собой.

Алекс не был слишком религиозен, но про Бога не забывал никогда. С уважением относился к институту Церкви и несколько раз ненавязчиво советовал мне помолиться. О благополучии детей и об их возвращении.

Не скажу, чтобы я совсем разуверилась в Боге после случившегося, но по крайней мере твердо решила, что даже если он и существует, то у меня есть весомый повод на него обидеться. И в то же время совсем не хотелось, вступая с ним в диалог, начинать с упреков. Поэтому я старалась соблюдать нейтралитет.

Алекс же на своем опыте убедился, что самые тяжелые моменты жизни ему легче было переживать вместе с Богом. А как известно, люди, которых это общение спасает в моменты глубокой печали, не забывает его и в радости.

Я не имела права пренебрегать его советами, потому что он, как и я, а возможно даже и в большей степени испытал на себе беду.

Больше десяти лет назад он потерял свою семью в авиакатастрофе: жену и двух дочерей. Они просто отправлялись в отпуск, а он должен был присоединиться к ним через пару дней. Но трагедия во Внуковском аэропорту разлучила их навсегда.

– Я схожу в Церковь. Завтра.

Глава 5

Чтобы визит в Божий храм прошел насколько возможно психологически гладко, я отправилась на окраину города, в церковь, которая находилась в районе, где я выросла. В детстве я ходила туда вместе с родителями и старшими сестрами. Тогда, в далеких девяностых, мое общение с Богом на этом и закончилось.

И все же ностальгические чувства должны были как-то сгладить недоверие к этому совершенно бесполезному, на мой взгляд, институту.

Церковный двор находился на окраине природного парка, с которым связаны мои лучшие воспоминания детства. Поэтому, очутившись здесь, я почувствовала, как меня наполняет давно забытое ощущение полной свободы и светлых надежд. Когда я успела его потерять? Когда закружилась в водовороте модной жизни московской тусовки, когда была осуждена за непредумышленное убийство, или когда на долгие годы отправилась в загадочную ссылку без особой надежды на возвращение в родной город?

Погода стояла прекрасная, теплый ветер так нежно трепал мои завитые в локоны волосы, что мне не хотелось с ним расставаться и погружаться под темные, хоть и сулящие приятную прохладу, своды храма.

Остановиться в легком недоумении меня заставил выскочивший из-за угла ребенок. Коренастый бойкий мальчуган, на вид лет десяти. Но я понимала, что ему не меньше двенадцати. Ростом он был как мой Андрюша на момент исчезновения. Поэтому я немного растерялось. Но на смену растерянности пришла привычная зависть – его матери. Ничего постыдного в этом чувстве не было. Оно, пожалуй, не миновало ни одну женщину, чей ребенок был младше десяти два года назад. Мы уже обсуждали эту тему с женщинами в Центре – каждая призналась, что задумывалась о возможности родить раньше, тем самым сохранив в будущем ребенка при себе. Я и сама отчетливо понимала, что если бы не муржила Влада пять лет, прежде чем не совсем добровольно все-таки сдаться, а ответила бы сразу взаимностью на его любовь, то Андрюша и Соня появились бы на свет раньше и были бы сейчас со мной.

А вот и она. Объект моей зависти. Которая тут же удвоилась. Моложавая стройная женщина в джинсах и белой свободной рубашке, с длинными прямыми волосами вела за собой еще одного мальчика. Этот был постарше – на вид лет пятнадцать.

– Здравствуйтесь, – немного настороженно обратилась она ко мне, поймав мой безумный взгляд.

– Здравствуйтесь, – смягчилась я, – Вы такая счастливая.

И мне хотелось добавить – что вы забыли в этом месте, раз у вас все прекрасно. И тут же осеклась. У нее могли быть еще дети.

– Да, – согласилась женщина, – Адамчику только исполнилось десять, когда все это началось. Я долгое время находилась в панике, пока не поняла, что опасность миновала. Знаю, что ваши дети были младше, Маргарита, – она протянула руку для приветствия, – Меня зовут Ева.

– Интересное сочетание имен у вас с сыном, – заметила я.

– Я назвала сына в честь отца.

– Интересно, – искренне отозвалась я, – Не путаетесь?

– Нет, – женщина поджала губы, сдерживая грустную улыбку, – Он погиб до рождения сына. Точнее, даже до того, как я узнала о беременности.

На меня словно вылили ушат с холодной водой. В качестве укора за то, что я до сих пор не отучилась от привычки судить о людях и о степени их везучести по первому впечатлению.

– Мы приходим сюда помолиться о нем. В основном летом, потому что гостим у моей подруги неподалеку. В остальные месяцы посещаем церковь рядом с домом.

– А ваш муж... – я покосилась в сторону кладбища.

– О, нет, – махнула рукой Ева. У него была вторая родина – в Чечне. Там он погиб и там он похоронен. Но мы туда не ездим, – на лице женщины отразилась боль невосполнимой утраты. Как будто она вспомнила о чем-то более значительном и масштабном, чем просто о смерти любимого, – Никого из близких там не осталось.

Я уже привыкла к этому ощущению, когда незнакомые люди общаются со мной, как с родной, как с членом своей семьи – потому что, благодаря СМИ и глянцу, они уже много лет волей-неволей вовлечены в мою жизнь.

Но эта женщина была довольно деликатна и сдержанна. А вот мне захотелось расспросить ее о том, как много времени у неё ушло на то, чтобы сжиться с мыслью о потере любимого, утихла ли боль после десяти лет разлуки, и если да, то что до сих пор заставляет ее приходить к Богу. А еще было интересно, как скоро она смогла впустить в свою жизнь нового мужчину, и случилось ли это вообще?

Но на подобную бестактность я была не готова и поэтому просто с пониманием кивнула. Казалось, она и ее ребята вот-вот пройдут мимо, оставив меня наедине с моим светлым вымученным намерением.

Почему вымученным? Больше всего я боялась, что вместо того, чтобы молить Бога о милости и благодати, я начну винить его во всех своих несчастьях и несправедливостях, случившихся со мной, по моему же мнению.

Тут у кого-то из моих недавних собеседников запиликал мобильный. Старший мальчик запустил костлявую руку в карман широкой штанины и извлек аппарат:

– Привет, пап, – ответил он ломающимся голосом.

Я уже отвернулась в сторону входа в храм, наблюдая за парнем краем глаза, но не в силах скрыть изумление повернулась к троице случайных прохожих, которые по какой-то неведомой причине решили жестоко пошутить надо мной.

Что уж там говорить, не смотря на все пережитое, именно сейчас я была максимально чувствительна и уязвима. Под броней, которая выросла на меня, оберегая от нападок окружающих и общественного мнения, моя душонка становилось все более и более ранимой и слабой. Тот факт, что незнакомка с такой легкостью примерила на себя мою беду, соврав мне в лицо, испортил мое настроение окончательно. Я едва сдерживала слезы. А внутри уже проклинала себя за то, что позволила Алексу уговорить меня прийти сюда.

Заметив мое замешательство, Ева немного встрепелась, но тут же вполголоса пояснила:

– У мальчиков разные отцы.

Очередная порция виртуального холодного душа окатила меня с ног до головы.

Такое бывает, дорогая Марго, иногда дети рождаются от разных отцов, – мысленно сказала я себе, – и ты в свои тридцать пять могла бы сразу об этом догадаться.

Но было уже поздно. Обида, хоть и не была настоящей, уже пропитала меня настолько, что из глаз брызнули слезы.

Я стояла на нижней ступеньке у входа в устрашающее меня здание. В облегающем черном пиджаке с коротким рукавом, длинной юбке, на верхний фатиновый слой которой, падали мои невесомые слезы, застывая на сетчатой ткани и переливаясь на солнце словно стразы Сваровски.

– Маргарита! – Ева взмахнула руками, достала из сумочки салфетку и протянула мне, – Мне так жаль. Даже не представляю как вы все это пережили. Извините, если напомнила вам о чем-то.

Женщина явно расценила мои слезы по-своему, и, к счастью, не догадалась, что я разревелась из-за того, что мне показалось, что надо мной решили подшутить.

– Нет-нет, все в порядке. Со мной случается иногда такое. Ни с того ни с сего, – соврала я.

– Это нормально. Вы очень сильная, Маргарита, – Ева заглядывала мне в лицо, как будто в надежде убедиться, что слезы больше не текут, – Мы планируем сейчас зайти в кофейню возле остановки. Вы бывали там? Не хотите к нам присоединиться? – немного смущенно закончила она.

Недолго думая, я согласилась. И забыв про цель своего приезда сделала несколько шагов прочь от церкви.

Ева удивленно посмотрела на меня:

– Вы зайдите, помолитесь. Мы подождем вас сколько нужно. Подождем прямо в кофейне, чтобы не отвлекать.

– Ой, я не думаю, что мне стоит идти в церковь в таком состоянии. Приду потом, когда возьму себя в руки.

– Для общения с Богом не бывает неподходящего состояния, – сказала Ева, покачивая головой, – Идите. Это мы вас сбили с толку. Подождем сколько нужно. Тем более, сегодня очень хороший батюшка на службе.

Служба, в моем понимании, давно закончилась. Но батюшка действительно копошился у алтаря.

Я не знала с чего начать, и в очередной раз пожалела, что нахожусь тут, вместо того, чтобы пить ароматный кофе с новой милой знакомой Евой.

Если не считать ранее упомянутого священника, то в церковном зале никого больше не было. Так мне показалось.

– Могу я вам чем-то помочь? – спросил молодой женский голос.

Я вздрогнула и резко повернула голову вправо – на звук. Пришлось долго фокусировать взгляд, чтобы сложить представление о той, которая окликнула меня. Сначала мне показалось, что за прилавком со свечками и всякой церковной утварью стоит старушка. Обильная седина белым пухом выбивалась из-под косынки. Но голос был молодой. Лицо тоже – не старше тридцати пяти.

Мне сразу вспомнилась моя рано постаревшая подруга Жанна. Хотя даже она взяла себя в руки и в последние годы старалась за собой следить. Но когда в церкви работали ухоженные люди? Ничего не изменилось.

– Да, будьте добры свечи, – решила я, – И что еще можно сделать? У меня умер муж и пропали дети.

Женщина выложила передо мной восковые оранжевые палочки. Из-под широкого рукава серой бесформенной кофты показалась молодая рука с короткими неухоженными ногтями. Она добавила две записки: за здоровье и за упокой.

Я благодарно кивнула и извлекла из маленькой сумочки смятую купюру.

– И еще я бы хотела исповедаться, – услышала я свой собственный голос.

– Сначала записки и свечи, а я сообщу о вас отцу Антонию, – ответила седовласая служительница церкви.

– Хорошо.

До этого женщина не подавала виду, что узнала меня. Но последние слова говорили об обратном.

Что ж! Так даже проще! Не придется слишком долго объяснять кто я и в чем мои грехи.

И все же когда меня проводили к священнику, я не знала с чего начать.

– Меня зовут Маргарита Рассказова.

– Я знаю, – кивнул батюшка.

Оказалось непривычно называть так мужчину, который на вид был не намного старше меня. Светлые волосы аккуратно зачесаны и, кажется, не лишены укладочного средства. От рясы пахло хорошими духами. Нет, все-таки есть священнослужители, которые выглядят вполне ухоженно.

– Меня зовут отец Антоний. Расскажи о своих грехах, Маргарита.

– За всю жизнь? Начиная с детства?

– Это твоя первая исповедь?

– Да. Осуждаете?

– Я? – отец Антоний усмехнулся, – Дитя мое, я сам впервые исповедался семь лет назад, а спустя два года принял сан.

Я оценила попытку священника придать нашей беседе доверительный тон.

– Просто для начала ответь на вопрос, почему ты не делала этого раньше.

– Наверное, я просто устала, как никогда. Жизненные испытания прижали меня к стене. И как самая отъявленная грешница, я пришла к Богу лишь тогда, когда мне стало решительно некуда больше идти.

– Это стандартный путь заплутавших. Мне он тоже знаком. Не нужно начинать с детства. Расскажи в двух словах о грехах своей молодости для начала.

– Я была эгоистична, горда и тщеславна. Да и сейчас, по сути, остаюсь такой же. Пожалуй, именно поэтому я считала и считаю свой приход сюда проявлением лицемерия что ли.

– Но что-то тебя тревожит сейчас особенно сильно?

– То, что я продолжаю жить как ни в чем ни бывало. Муж погиб. Дети пропали. А я наслаждаюсь жизнью. Рядом есть человек, который окружает меня любовью, а я отвечаю ему взаимностью. И радуюсь этому, вижу в этом новый смысл.

– Но ведь это не так. Ты не наслаждаешься.

– Меня ежедневно окружают погруженные в страдания люди. И я постоянно сравниваю себя с ними. И мне кажется, что я живу лучше, чем многие из них. Есть и обратная сторона. Я часто ловлю себя на зависти к людям, которых миновали потери. При этом я присвоила себе право быть наставником для подобных себе.

После того как я припомнила еще несколько страшных, на мой взгляд, грехов из своей жизни, отец Антоний попросил меня наклонить голову, прикрыл ее частью своей одежды, которая была похожа на фартук, и прочитал молитву. После этого он дал мне несколько наставлений, попросил перекреститься, поцеловать крест и Евангелие.

Перед уходом я уточнила, означает ли сей обряд, что грехи мои отпущены. Батюшка кивнул:

– Искренне раскаявшемуся человеку его грехи прощаются навсегда.

Ничего более неопределенного я в своей жизни не слышала. Откуда мне было знать, что раскаяние мое искреннее настолько, что я смогу в одну минуту избавиться от всех прошлых пороков?

Покидая церковь, я спиной почувствовала, что священник и его помощница переговариваются о чем-то вполголоса. Пришлось ускорить шаг.

И лишь спустя пару часов, проведенных в кофейне с новой знакомой, я поняла, что в церкви было сплошное нытье, а настоящая исповедь ждала меня здесь. Только я выступила в роли слушателя.

Глава 6

По дороге домой я раз за разом прокручивала в голове историю Евы, которая началась со знакомства с ее возлюбленным Адамом. В своем повествовании она упомянула авиакатастрофу, в которой погибла семья Алекса. И вроде бы ничего удивительного, трагедия прогремела на всю страну. Но именно в день крушения самолета Ева и встретила своего возлюбленного. Мне же этот случай запомнился по другой причине. В тот же самый вечер я попала в автомобильную аварию, которая предопределила всю мою дальнейшую судьбу.

В остальном совпадений было не так уж и много. Но также, как и меня, Еву не миновали тяжелые испытания. В ее размеренную жизнь неожиданно-негаданно ворвалось такое явление, как террор.

Во времена моей молодости, да и в период нахождения на базе, эта чума не раз уносила жизни невинных людей. Когда мой муж Владислав Жданов открыл свой Центр в Москве, ему как-то удалось свести к нулю эту напасть. Это стояло в его первоочередных задачах по изменению жизни человечества к лучшему. И на какое-то время все вздохнули спокойно... Пока не появились клоны.

Регулярное обращение Евы к церкви было обусловлено не только потерей любимого. Когда-то она и ее старший сын оказались единственными выжившими в страшном теракте.

Про него я тоже слышала, правда уже постфактум, после возвращения с базы. Но такое не забывается. До массового исчезновения два года назад – теракт в Грозном считался самой страшной трагедией с участием детей. Оказывается, Ева с сыном покинули здание за минуту до того, как оно взлетело на воздух. И поскольку поспособствовали этому странные необъяснимые обстоятельства, женщина уверовала в то, что их вызвал сам Господь.

История любви Евы и Адама показалась мне настолько глубокой и трагичной, что я так и не осмелилась спросить, как складывалась личная жизнь моей новой знакомой после потери возлюбленного.

Как бы там ни было, заходя в подъезд многоэтажного дома, в котором жил Алекс, я ускорила шаг, сгорая от нетерпения поскорее оказаться в его объятиях. Не знаю, помог ли мне визит в церковь, но угрызений совести за обретенное счастье в лице нового мужчины, я больше не испытывала.

В его большой светлой квартире было как всегда тихо и спокойно. Мне было тяжело привыкнуть к подобной обстановке после загородного дома наполненного суетой, детским смехом и разбросанными игрушками. Но сейчас я оглядывала ее с любовью, потому что, судя по доносящемуся из гостиной приглушенному шуму телевизора, там сидел Алекс в домашнем спортивном костюме, закинув босые смуглые ноги на стеклянный журнальный столик. А это значит, что на уютном кожаном диване найдется место и для меня.

Так все и вышло. Алекс, как и Влад, смотрел по телевизору только футбол. Маленькая слабость сильных мужчин. Он притянул меня поближе к себе и поинтересовался, как прошел мой визит в церковь. Я рассказала в двух словах. И более подробно поведала ему об истории, которую услышала от случайной знакомой. Как я и ожидала, косвенная связь Евы и теракта, в котором погибла семья Алекса, произвела на него впечатление.

Мы больше не покидали квартиру в этот день. Я приготовила легкий ужин, и мы отправились в постель непривычно рано.

Я продолжала поражаться тому, что всего один человек оказался способен заменить мне целый мир. Еще совсем недавно я не представляла себе жизни без социума, друзей, коллег. Сейчас уютно и спокойно я чувствовала себя только спрятавшись в своеобразном панцире, но не в одиночестве, а в обществе человека, который неожиданным образом оказался самым близким на сегодняшний день.

Я, конечно, проводила время со своей старой подругой Жанной. Но по большей части из-за того, что она работала в моем Центре. Моя первая и единственная подруга по жизни. Никто как она не знал моей истории и не был в нее настолько вовлечен.

Намного реже я встречалась с Павлом. Именно с ним у меня случился первый опыт совместной жизни. Но было это так давно, что встречаясь, мы даже в мыслях очень редко вспоминали о былом романе. Это было как будто во сне или в прошлой жизни. В реальности он стал хорошим приятелем моего бывшего мужа и моим самым преданным другом и деловым партнером. Но общего бизнеса мы давно не вели и поэтому здорово отдалились. К тому же, будучи первым человеком в модной индустрии страны, Павел Бой проводил большую часть времени за границей. Он не имел малолетних детей. И хотя очень сильно сопереживал моей утрате, именно глядя на него мне порой казалось, что за шестнадцать лет ничего не изменилось. Я менялась, а он оставался все тем же. Может, потому что он изначально был идеален?

И кстати, если б не случилось аварии, которая рассекла мою двадцатилетнюю жизнь на «до» и «после», то наш с Боем роман мог бы и сейчас быть реальностью, а не туманным воспоминанием.

Но такая перспектива меня абсолютно не воодушевляла, при всей моей дружеской любви к Павлу. В отличие от теплых ладоней Алекса, опустившихся мне на плечи, когда я в девять вечера уже вышла из душа.

Он привычным жестом смахнул тесемки ночной сорочки, и шелковое одеяние легко заскользило вниз по моему телу. Несколько месяцев ушло у Алекса на то, чтобы приучить меня спать голышом. И все равно, каждый раз выходя из ванной я надевала сорочку или какое-то еще одеяние для сна – обычно майку и шортики – которые не задерживались на мне надолго.

Не знаю, что случилось со мной после встречи с Алексом, и вообще есть ли его заслуга в том, какой фонтан чувственности открылся во мне. Может, так совпало, что он просто появился в подходящее время. Может, я не просто повзрослела, но созрела. Но никогда раньше близость с мужчиной не приносила мне столько удовольствия. Такого не было с Жаном, которого я считала любовью всей своей жизни, и уж точно не случалось с Владом, который первое время брал меня если не силой, то, по моему тогдашнему твердому убеждению, подлым шантажом. Быть может, идеальная физическая совместимость позволяла нам с Алексом жить в ладу и терять счет времени проведенному вместе.

Вот уже почти одиннадцать, и мы лежим разгоряченные и довольные среди смятых бежевых простыней. Алекс прижимает меня к себе, не смотря на то, что мы оба обливаемся потом из-за того, что забыли включить кондиционер в спальне.

Пришлось снова ополоснуться, поменять простыни и уже после этого уснуть, крепко переплетаясь телами.

В этот вечер они впервые появились в городе. И это был не сон, хотя поверить в то, что все происходит наяву, было очень сложно.

Глава 7

Я редко просыпаюсь по ночам без причины, поэтому меня очень удивило собственное пробуждение буквально спустя час после того, как мы уснули. Все верно – на часах начало первого. За незанавешенным окном спальни было непривычно светло, мелькали какие-то блики. Я приподнялась на кровати, и мое лицо осветила вспышка яркого света, заставив интуитивно зажмуриться. Вот что разбудило меня. Свет непонятого происхождения – догадалась я.

Не отрывая взгляда от окна, я нащупала рукой легкий халат на спинке кровати, встала и накинула его на себя. Алекс спал, а я вышла на балкон, чтобы повнимательнее разглядеть источник непонятого света. Небольшой балкон в спальне не был застеклен, напротив, это было довольно миниатюрное кованое сооружение, которое располагалось всего лишь на втором этаже высотки. Как-то раз Алекс признался, что боится высоты, и выбор низкого жилья был обусловлен именно этим.

Сейчас, благодаря тайным страхам любимого, я могла в деталях разглядывать открывшуюся моим глазам поразительную картину.

Несколько десятков прожекторных лучей рассекали улицу, блуждали по стенам нашего и напротив стоящего кирпичного здания, заглядывали в окна. Их источниками оказались мощные фонари в руках у группы людей, разбредшейся по пустынной улице.

Они громко обменивались короткими фразами. Их диалог был похож на обрывистый лай. А выглядели они... Выглядели все одинаково. Одеты во что-то вроде солдатской формы, а лица были закрыты большими очками, скорее похожими на шлемы для игр в виртуальной реальности.

Собственно, первое впечатление сложилось именно такое: группа молодежи затеяла что-то вроде уличного квеста. Я не очень в этом разбиралась и впервые сталкивалась с таким. Помимо фонарей в руках, на плече у каждого висел автомат. Интересный досуг. Только вот телосложением эта виртуально-реальная армия не походила на подростков.

Очередной яркий луч, направленный прямо мне в лицо, ослепил меня. Я недовольно поморщилась и поднесла руку к глазам. Сколько можно освещать меня в собственном доме, на собственном балконе, в кровати, в конце концов!

Один из «игроков» остановился прямо под моим балконом и продолжил осматривать меня в свете своего прожектора. Очки он не снимал, напротив, подкручивал какое-то колесико сбоку на полушлеме. Как будто это помогало ему лучше разглядеть меня. Из-под капюшона, который являлся частью формы, выбивались темные кудрявые пряди.

– Что тут происходит? – спросила я не слишком громко, так как человек находился всего в нескольких метрах.

Тут к нему подбежал другой игрок, что-то шепнув на ухо, и как будто поторапливая. Но мой наглый наблюдатель ответил ему так четко, что даже я расслышала:

– Она же нам подходит.

Мои брови удивленно взлетели вверх. И в этот момент мне на талию опустилась тяжелая теплая рука. Сонный Алекс с непониманием взирал на происходящее внизу поверх моей головы.

Товарищ «игрока» замершего напротив меня, что-то сказал, и они оба двинулись дальше. Группа человек из пятнадцати продолжала обшаривать улицу своими прожекторами пока не скрылась из виду.

Стало тихо и темно как прежде. Как будто ничего необычного тут только что не происходило. Алекс тряхнул головой и спросил, наконец:

– Что это было?

– Если бы я знала. Чепуха какая-то. Может игра? Квест?

– У них были автоматы?
– Может игрушечные? Лазеры.

Алекс выглядел озадаченным.

– Никогда не слышал про такие игры. Завтра выясню, что за самодеятельность. Пойдем. Он увлек меня обратно в спальню и плотно закрыл балконную дверь.

– Просто у них были эти шлемы. Очки, как для виртуальных игр. А в остальном, конечно, очень убедительно и реалистично они выглядели, – рассуждала я, ложась в кровать.

На этот раз сон не шел. Алекс тоже долго ворочался. Ничего не может быть хуже прерванного в полночь сна. Да еще таким странным образом. В результате, даже когда я задремала, видения с участием военных в однотонной бежевой форме не давали мне крепко уснуть.

Наутро нам не пришлось прилагать каких-либо усилий, чтобы выяснить природу ночного явления. В интернете и на телевидении активно обсуждали вооруженных незнакомцев, заполонивших город. Да, это была не просто группа из десяти-пятнадцати человек, пробежавших по нашей улице. Их были тысячи. Они шныряли с фонарями по городу с полуночи почти до часу, а потом исчезли так же неожиданно, как и появились.

Сердце мое бешено заколотилось. Как я могла так невнимательно отнестись к этому событию? Ведь последние два года я отслеживала все случаи пропажи людей. А если они находились, то неслась сломя голову в отделение полиции, чтобы разузнать не имеет ли их исчезновение общей природы с исчезновением детей.

Меня затрясло.

– Марго, что с тобой? – Алекс обнял меня за плечи, как будто пытаюсь зафиксировать на месте.

– Это они, – задумчиво протянула я, – Это, наверняка, они, – повторила чуть громче. – Я же говорила, что что они существуют. Эти люди, которые шныряли у нас под носом знают, что произошло с нашими детьми.

Я устремила взгляд полный надежды на скептически посматривающего на меня Алекса.

– Позвони, пожалуйста, Матвеем прямо сейчас. Из новостей мы сейчас ничего толкового не узнаем. А он может связаться с кем надо.

Много лет назад Матвей возглавлял отдел в ФСБ по борьбе с терроризмом. Алекс познакомился с ним в то непростое время, когда потерял свою семью в авиакатастрофе. Матвей как раз вел расследование по этому делу. Потом он покинул органы, но какие-то связи у него остались до сих пор. С Алексом они тоже поддерживали общение благодаря охранным бизнесу, которым оба занимались.

– Хорошо, – Алекс не стал перечить и, отпустив мои плечи, без промедления потянулся за телефоном.

Я даже простила ему полный жалости взгляд, говорящий о том, что он не верит в какую-либо связь ночного вторжения и исчезновения детей.

Пока он дозванивался, я отодвинула большую чашку с недопитым кофе, и прижалась губами к своему голому плечу. Именно в том месте, где у меня было небольшое едва заметное родимое пятно в форме мотылька. Как будто два сложенных симметричных крыла, примкнувшие друг к другу, обосновались на моей коже при самом рождении.

Я не придавала значения ни этой метке ни ее форме, пока на свет не начали появляться мои дети. У Андрюши подобный мотылек обнаружился на запястье, у Сони на ноге чуть выше колени, а Митя, родившись, явил миру самую крупную ночную бабочку в нашем семействе – под грудью в районе ребер красовалась родовая отметина диаметром почти в три сантиметра.

Теперь, оставшись наедине со своим мотыльком, я уделяла ему много внимания. Как будто он имел незримую связь с остальными.

– Ты серьезно, дружище? – донесся до меня голос Алекса.

Он сидел на краю дивана в гостиной смежной с кухней и разговаривал по телефону. Я прислушалась.

– Как такое возможно? Неужели никого не насторожили сотни вооруженных солдат неизвестного войска.

Я подошла, и Алекс включил громкую связь.

– Не было никакого войска. Все видели их, как и ты – небольшими группами по десять-пятнадцать человек. Они никому не угрожали, только светили фонарями. В лицо. Многие это отметили. Пожалуй, пока все.

– И впрямь – ничего! – разочарованно фыркнула я, когда Алекс поблагодарил друга и нажал отбой, – В лицо они и мне светили.

Глава 8

Ноги не несли меня в Центр. По дороге я на полчаса задержалась в кофейне, а потом с очередным стаканчиком Латте приземлилась на скамейку в парке на территории. Меня пока никто не заметил, хотя стройная вереница женщин направлялась ко входу. Я представляла, что зал уже полон и прекрасно знала, зачем они пришли.

Все до единой подумали о том же о чем и я: ночные вторженцы могут иметь прямое отношение к исчезновению детей.

Пока мне нечего было им сказать, невзирая на возможность получать информацию практически напрямую от спецслужб. Но даже несмотря на абсолютное незнание, сегодня все было не так, как вчера. Раньше я часто думала о том, как долго будут продолжаться эти собрания. Будет ли нас, напуганных и скорбящих матерей, становиться меньше с каждым днем, с каждым годом. Я представляла себе, что самые стойкие встретятся лет через тридцать или даже сорок, будучи уже дряхлыми старухами, но все еще лелеющими надежду на встречу со своими детьми.

Теперь эта мрачная картина потеряла свою четкость. Вчера произошло что-то значительное, и пусть пока никто не знает что именно, но это первое событие за последние два года, которое выбивается из рамок обыденности.

– Ты улыбаешься?

Я не заметила, как подошла Жанна – моя старая подруга, с которой мы познакомились в первые дни моего пребывания на секретной базе Жданова. Наша пятнадцатилетняя дружба выдержала немало испытаний, обид и прощений. Я не могла не радоваться этому. Несмотря ни на что, у меня не осталось человека ближе, чем она. Даже невзирая на наличие двух старших сестер, с которыми я почти не общалась.

– Редкое явление, правда? – усмехнулась я и подвинулась, призывая Жанну присесть рядом.

Благодаря стройной фигуре она походила на мою ровесницу, хотя ей было уже за сорок. После того как я вызволила ее из затворнической жизни, посулив совместную работу в Центре на благо обществу, она нашла в себе силы и энергию преобразиться, и стала почти такой же красоткой, как в молодости. На смену пышной шевелюре пришло аккуратное модное каре, но и оно придавало ее образу какой-то ребяческий шарм.

– Всегда завидовала твоей способности не унывать даже в самые тяжелые моменты жизни.

– Да брось! Этому я научилась у тебя, – искренне изумилась я.

– Ну, да. Возможно. Только я растеряла эту способность. А тебе приходится подбадривать не только себя, но и сотни других отчаявшихся матерей. Сегодня, кстати, аншлаг, как видишь.

Ко входу в Центр продолжали уверенно стекаться люди.

– А я, как видишь, не особенно тороплюсь туда. Присела погрузиться, обдумать свою речь для собрания, и вдруг мои мысли заработали в другом направлении. Я подумала, что при полном отсутствии новостей, вчерашнее вторжение уже само по себе может являться знаковым событием. Они скорее вселяют надежду, нежели пугают.

С этими словами я пожала Жаннину ладонь, встала и уверенно направилась к Центру. Подруга последовала за мной.

Зал, в котором я впервые побывала во время операции по снятию Затмения, был полон. Многим уже не хватало сидячих мест. Сотни полных надежды пар глаз были устремлены на меня. Ропот стих. Я заговорила в полной тишине.

– Скажу сразу, что ни у меня, ни у спецслужб пока нет информации о том, кем были ночные люди в масках. И это – пока единственная хорошая новость. Хороша она тем, что пока они

ником не опознаны, есть шанс, что им известно то, что интересует нас, – одобрительные взволнованные возгласы рассыпались по залу, – Мы не можем быть уверены ни в чем сейчас. Но мы имеем право наблюдать. Вчера мы были застигнуты врасплох, но при их следующем появлении мы должны быть подготовлены. Я хочу, чтобы те, кто столкнулся с ними вчера, обменялись своими наблюдениями. А после этого мы продумаем план действий на случай новой встречи.

Я во всех подробностях рассказала об увиденном этой ночью. Многие из тех, кому как и мне довелось повстречать людей в форме, подтвердили что им тоже светили в лицо. Никто не встретил агрессии. Впрочем, как и подтверждения о пригодности к чему-то, в отличие от меня.

Мы проговорили порядок действий и тем на случай установления контакта. А также условились незамедлительно поделиться информацией, если этот контакт произойдет.

С этой минуты все погрузились в томительное ожидание.

Чтобы хоть как-то его скрасить, я предложила Жанне пропустить по бокальчику вина за обедом.

Она с радостью согласилась. В последние два года мы виделись довольно редко. Я погрузилась в отношения с Алексом, и, как я уже говорила, мне хватало его одного.

Всю жизнь я испытывала жажду общения. В молодости жить не могла без тусовок и толпы, у которой именно я была бы в центре внимания. В окружении кучи подруг, имен которых я сейчас и не припомню, хотя очень гордилась их количеством. Судебный приговор, конечно, немного поумерил мой пыл. Да и подруги исчезли в один момент. Но и на базе, и в послебазовской жизни я стремилась к социуму. Как я страдала от окружения зомбированных базистов! Даже появление детей не уняло моей тоски по живому общению. Потом снова взлет – мой собственный дом моды, презентации, показы. И все это вперемешку с душевными терзаниями и невероятными приключениями.

И вот я доросла до того, что весь мой мир сузился до одного человека, которого я встретила всего два года назад. Мне было с ним хорошо и комфортно. Я таяла от каждого его взгляда и прикосновения. Для полного счастья не хватало только возвращения детей. Я даже задумывалась – намного ли хуже мне было на базе – когда со мной были маленькие Соня и Андрюша, но не с кем было поговорить. Своего мужа я тогда в расчет не брала.

Сейчас я скучала по тому времени, которое казалось мне когда-то испытанием – на базе в полном одиночестве, но с осознанием, что мои дети живы и здоровы.

И тем не менее, сейчас я была безумно рада собственной идеи провести время с подругой. Тем более у Алекса намечалось какое-то рабочее мероприятие за городом, которое могло затянуться до утра. А такое бывало крайне редко. Мне достался на удивление домашний мужчина, привыкший на расстоянии управлять собственным бизнесом.

Наш с Жанной обед плавно перетек в ужин. Мы не могли наговориться. Так получилось, что разговор заходил даже на запретные темы, возникшие ввиду блуждающего между нами напряжения в разные периоды жизни. Мы обе не хотели расставаться с этим моментом легкости и единения. Может, настало подходящее время, а может все дело в том, что двумя бокальчиками наши посиделки не ограничились. Более того, я не помню сколько раз галантный официант открывал у нас на глазах очередную бутылку Пино Гриджио, неизменно предлагая продегустировать.

Мы с Жанной скатились до такой непосредственности, что даже начали сначала тихо, а потом все громче подхихикивать, да еще и шутить с услужливым персоналом. Именно такими непокорными и безбашенными мы позволяли себе быть в первые годы пребывания на базе. И только сейчас, наконец, позволили себе мысленно вернуться на пятнадцать лет назад. Как же это было бесценно. Как хорошо.

– Кстати, из тебя получился отличный оратор, – сказала Жанна, отсмеявшись после очередного воспоминания.

– Не знаю, откуда это. Может отголоски моего журналистского прошлого. Хотя я больше писала, чем выступала. Ты знаешь, мне часто кажется, что не я руковожу своей жизнью, а наоборот. Она диктует мне: сегодня ты журналист, ан, нет, уголовница, а теперь модельер, а завтра, будь добра, подними и поведи за собой толпу.

– Ты знаешь, что это не так. Ты разносторонняя, и самые главные достижения – твоя заслуга.

– Какие достижения?

– Ну, хотя бы самые неопровержимые – твои дети.

– Ха! – не выдержала я, – Ты, как никто, знаешь, в каких условиях были зачаты первые два. От страха и безысходности. От Андрюши я вообще мечтала избавиться поначалу. С Соней я просто смирилась. Желанным был только Митя. Если не считать того, что изначально мы хотели девочку. А когда Влад бросил меня в разгар апокалипсиса, это беременность стала тяготить меня, как и все остальные.

От разговоров о детях, мой рассудок моментально прояснился, беспечное забвение рассеялось. Я сделала большой глоток вина, чтобы вернуться к прежнему состоянию.

– Но! С момента их рождения я становилась идеальной матерью! Поэтому не подумай, что я себя за что-то корю.

Под конец посиделок, Жанна как всегда стала слишком сентиментальной:

– Я не посмею так думать. Я видела, как ты возилась с маленькими Соней и Андрюшей, и сколько внимания и любви дарила Мите. И какой бы ни была предыстория, я всегда завидовала тебе. Белой завистью, конечно же. Прости, но сейчас самое время выговориться. Моя жизнь на фоне твоей сложилась серой и однообразной. Я рано стала матерью, рано стала бабушкой. Жизненные обстоятельства меня сломили. И крест на себе я поставила тоже слишком рано.

Когда я развелась с мужем-алкоголиком и осталось одна с дочкой, то вздохнула с облегчением. Я была уверена, что вот теперь мы заживем. У меня была отличная работа, поклонники. Оставалось только выбрать самого лучшего кандидата, создать нормальную семью, нарожать еще детей. Но я никуда не торопилась. Мне не было и двадцати пяти. И вдруг невидимая рука отмотала время вперед. Оказалось, что мне целой жизни не хватило, чтобы завести больше, чем одного ребенка, да даже чтобы найти своего мужчину, подходящего для этого. А ты, как бы там ни было, родила троих. И обязательно их найдешь.

– Обязательно, – эхом повторила я, – Все образуется. А тебе всего сорок два, ты встретишь мужчину, родишь ребенка, которого у тебя никто не сможет отнять. А я рожу Алексу. Он заслуживает этого. Мы оба заслуживаем.

Ох, если бы мы, будучи в трезвом уме, слышали такой диалог, то сочли бы собеседниц легкомысленными мечтательницами.

Я была настолько воодушевлена нашей встречей, что предложила Жанне остаться у меня. Но старшая подруга здраво рассудила, что это чревато продолжением банкета, о котором мы завтра сильно пожалеем. Я поддержала ее. Ведь у меня и без того все троилось и четверилось перед глазами.

Заходя в квартиру, я успела только порадоваться отсутствию Алекса, прежде чем плюхнуться прямо в одежде на диван в гостиной и уснуть.

Нет! Это слишком жестоко! Утро не могло наступить так рано! Подумала я, услышав разрывающий мой череп изнутри звонок в дверь. Нет!

Я открыла глаза и поняла, что даже до июльского утра еще далеко. Да и поспала я от силы пол часа. Поэтому и голова готова была расколоться. Чертыхаясь, я поплелась к двери. Алексу там то ли не отдыхается, то ли не работается. Вернулся раньше, чем планировал. Придется мне предстать перед ним в таком неприглядном помятом виде. Путей для отступления нет.

Я открыла дверь, заранее подготовив виноватое выражение лица и, в тайне надеясь, что он вдруг окажется пьянее меня.

На пороге стоял абсолютно трезвый. Солдат. В бежевой форме.

Глава 9

Ну и дела, подумала я, разглядывая нежданного, но в то же время самого ожидаемого гостя. Смуглое лицо, похожее на арабское, но в то же время с преобладанием европейских черт. Черные кудрявые волосы касались плеч. В нем не чувствовалось агрессии восточного мужчины, напротив, взгляд черных глаз был мягок. Молодой человек смотрел на меня по-доброму, хоть и не без доли волнения.

Я точно знала, что буду ждать встречи с солдатами каждую секунду. Но не подозревала, что она произойдет так скоро и в самый неподходящий момент. Только не сегодня! Не сейчас! Но и попросить его зайти утром, я не могла.

Он заговорил первым.

– Разрешите войти, Маргарита. У меня важная миссия. Вам будет полезно выслушать.

Мне будет полезно очистить содержимое желудка. Это уже говорил мой организм. И он был убедительнее.

– Прошу вас, проходите. Я указала ему на кресло в гостиной. Дайте мне пожалуйста пять минут, чтоб привести себя в порядок. Я спала.

– У меня очень мало времени, – пояснил он, проходя в квартиру.

Не знаю, был ли в жизни момент, когда я ненавидела себя сильнее. Ко мне в дом явился человек, которого я ждала два года, а я пьяная в хлам. Опять же – впервые за долгие годы. Но я не могла просто так взять и протрезветь за одну секунду. Поэтому начала торговаться.

– Две минуты, и я в вашем распоряжении. Кстати, скоро вернется мой муж, – сказала я зачем-то.

– Насколько я знаю из учебников истории – у вас был только один муж – Владислав Жданов.

– Правда? И где этому учат?

Я икнула и, не дожидаясь ответа, направилась в ванную. Там мне пришлось испытать на себе то, что я никогда раньше не практиковала. Но ровно через две минуты мне и впрямь стало чуть легче. И тогда я подумала, что ночному гостю очень повезло застать меня врасплох. Мне пришлось быть очень вежливой с ним, поскольку ни на что другое я не была способна физически. Ему очень повезло. Представляю, с каким допросом я накинулась бы на него, если бы была трезва и полна сил.

В нетерпении я устроилась напротив гостя. Хоть вид мой по-прежнему оставлял желать лучшего. Но какая разница, как я выгляжу?

– Это касается детей? – не выдержала я, – Где наши дети?

О, оказывается градус выходит и через слезы. Они уже автоматом выступали у меня на глазах при слове «дети».

– Меня зовут Раджа. А вас я знаю. Правда, представлял себе немного по-другому.

Ну конечно, подумала я, разглядывая разводы от туши на руке, которой только что вытирала щеки.

– Думал, вы постарше выглядите. А на деле, оказывается, что мы почти ровесники.

– Вы же не на свидание пришли? Верно? Кто вы и все остальные солдаты в такой же форме?

– Сомневаюсь, что сейчас вы готовы принять эту информацию. Я представлял вас не только старше, но и серьезнее, – он долго подбирал последнее слово.

Но я не взорвалась. Я просто поставила себя на его место. Он приходит ко мне с информацией, возможно, планетарной важности, а меня шатает, заплетается язык и текут черные слезы.

– Раджа, просто говорите, что вам известно, – я порадовалась тому, что стала звучать убедительнее, – Не думайте, что легкое недомогание мешает мне правильно воспринять информацию, касающуюся пропавших детей. Вы не представляете, сколько мы пережили из-за этого. Что за солдаты появились вчера в городе?

– Вы правильно подметили. Мы называем себя армией. Армией спасения. Поодиночке – солдаты. Верно.

Он встал, подошел к панорамному окну и, засунув руки в карманы, вдохнул спертый воздух, чтобы продолжить. Я восприняла это как демонстрацию того, что ему невыносимо смотреть на мою заплывшую физиономию. Даже в голову не пришло, что молодому человеку всего лишь нужно собраться с мыслями.

– Но мы не только спасители. Мы – прежде всего спасенные. Мы и есть те дети, которых вы потеряли.

Мне показалось, что меня настиг очередной рвотный позыв. Но оказалось, что это был всего лишь смех, попытавшийся вырваться наружу. Распознав его, я перестала сдерживаться.

Раджа резко повернулся и посмотрел на меня хохочущую с опаской. Покачал головой и присел на диван напротив, выставив руки так, словно пытаюсь меня уговорить, как будто я могу кого-то разбудить своим диким хохотом.

А мне было хорошо: здоровый смех отрезвлял не хуже слез. Еще неплохо помогают танцы, не к месту подумала я. Надо было нам с Жанной посетить танцпол, прежде чем разбредаться по домам. Уж точно, было бы полезнее, чем выслушивать бредни незваного гостя.

Но и разочарованию моему не было предела. Те, на кого мы возложили свои последние надежды, оказались обычными шарлатанами. Уж могли бы подготовить легенду поубедительней, если их целью являлось, к примеру, вымогательство.

– Просто задайте себе вопрос, Маргарита, неужели я бы придумал такое нарочно, если бы это не было правдой?

Я отсмеялась и встала, чтобы сделать себе чай.

– Вы будете что-нибудь пить? Чай, кофе?

Я уже потеряла интерес к собеседнику, но и одной мне сейчас оставаться не очень хотелось.

– У меня мало времени. Нас пускают сюда всего на полчаса. За это время сложно хоть что-то сделать. А вы еще и не желаете меня слушать, – в голосе Раджи прозвучали нотки обиды.

– Откуда вы? – я отвлеклась от приготовления чая и повернулась к собеседнику, – Говорите совсем без акцента.

– Я родился в России. Но и там откуда я, почти все говорят на русском.

– И откуда же?

– Из будущего.

– Ага. Как же я сразу не догадалась? Вы знаете, версия про другую планету выглядела бы более правдоподобной. Возьмите на вооружение, когда решите кого-то еще дурачить.

Большие круглые глаза сощурились. Раджа встал и подошел ко мне почти вплотную.

– Марго, вы очень красивая женщина. Но глупая. И совершенно не соответствует своему КПЖ.

Я сложила руки на груди, поджала губы и сделала глубокий вдох.

– Уходите. Никто не имеет права играть на наших чувствах подобным образом.

– Мы здесь одни, – напомнил Раджа.

– Разве ваши коллеги сейчас не пудрят мозги остальным несчастным матерям? Завтра же я об этом узнаю. Надеюсь, еще не будет поздно их вразумить.

– Тех, с кем мы можем поговорить, достаточно мало. Но если те немногие, кого у нас появился шанс спасти, такие же как вы, то может они были правы. Может вас и незачем спасать.

– Спасите мои уши, дорогой Раджа. И позвольте мне насладиться моим горьким похмелем.

Гость поморщился. Как будто я была какой-то низшей кастой по сравнению с ним.

– Герман Фишер. Найдите этого человека. Это несложно. В прошлом – известный врач-трансплантолог. Если поговорите с ним. То, быть может, я навещу вас снова. А сейчас мне пора.

– Прощайте.

Я закрыла дверь за русскоговорящим арабом и налила себе долгожданный чай.

Глава 10

В полдень, когда вернулся Алекс, я чувствовала себя как феникс, возрожденный к новой жизни. Конечно, ночное профилактическое опустошение желудка сыграло в этом не последнюю роль, но и крепкий сон после странного визита сделал свое дело.

Теперь я трезво переоценивала события вчерашнего вечера и, потягивая утренний латте, обдумывала, как преподнести все произошедшее Алексу.

Он, в свою очередь, здорово меня отвлекал, ежеминутно обнимая и целуя после однодневной разлуки. А я легко поддавалась, поскольку тоже соскучилась.

– Хочется чего-то острого. Пообедаем во вьетнамском кафе сегодня? – спросил он, обвивая крепкими руками мою талию.

– Ага. С удовольствием. На набережной.

– Супер. Я от тебя еще долго не уеду, учти.

Он жадно впился в мои влажные от кофе губы и поднял со стула. Как я и предвкушала, нашему пути на обед было суждено пролегать через спальню. Образно говоря. На самом деле он легким движением подсадил меня на кухонный стол и ловко освободил от нескольких шелковых слоев домашней одежды.

Боже, какое счастье обнимать этого человека и чувствовать его крепкое тело повсюду. Только в его объятиях я позволяла себе на несколько минут отключать мозг от гнетущих мыслей. Он был моей таблеткой – самой действенной и незаменимой. Моим спасителем. Спасителем. И тут мысли о вчерашнем визитере снова закружились в моей голове, но тут же были бестактно вытеснены волной подступившего наслаждения.

– Кто такой Герман Фишер? – как бы невзначай поинтересовалась я, помешивая освежающий манговый фреш со льдом и разглядывая проплывающие мимо речные трамвайчики.

– Он был известным хирургом лет десять назад, а потом ушел на дно. О нем уже давно ничего не слышно.

Во время взлета популярности этого человека я находилась на базе. Очевидно, поэтому мне ничего о нем неизвестно. А когда мы вернулись, когда Влад всколыхнул мир новыми открытиями и разработками, все прежде статусные врачи и ученые померкли на его фоне. Менее тщеславные предложили свои услуги Центру Жданова и были приняты, но Фишер явно к ним не относился. Я поделилась своим предположением с Алексом.

– Нет, он притаился раньше. За несколько лет до выхода на арену Жданова. Насколько я помню, он не смог перенести смерть жены. Они работали в тандеме. Несколько лет подряд он заказывал у нашего агентства охрану своего особняка. Очень тщательную наружную охрану, хотя, помимо этого, внутри дома у него были свои доверенные люди. Подозреваю, что его жена тяжело болела перед смертью и усиленные меры безопасности были как-то связаны с этим. Когда жена умерла, он отказался от наших услуг.

– Ясно, – задумчиво протянула я.

– У тебя озабоченный вид.

– Ничего.

Я подняла на него глаза и ощутила привычный прилив счастья. Мне не верилось, что он принадлежит мне. Целиком и полностью. Весь – почти двухметровый, добрый, отзывчивый, умный. Всего какой-то час назад он обладал мной, и вечером мы повторим снова.

– Ты голодна?

– Да, очень. Хочу тебя снова. И очень люблю.

Лицо его прояснилось. Я очень редко говорила ему эти слова. Он прикрыл ладонью мою руку.

– И я тебя. И все же пойду проверю готовность нашего заказа. – Он чмокнул мою ладонь, прежде чем отойти.

Я снова задумалась. Уже обед, а мне никто не звонил из Центра. Хотя, по моему убеждению, странные самозванцы должны были навещать и к другим женщинам.

Я достала из сумочки мобильный и набрала номер Жанны.

– Подруга, привет. Как ты? Живая?

– Да, я же растягивала удовольствие в отличие от тебя, – бодро отозвалась Жанна.

– Да уж. Стоило и мне последовать твоему примеру.

– Я поняла, что ночка была жаркой. Поэтому не стала тебя беспокоить с утра.

– А что – есть какие-то новости? Ты в Центре?

– Да, с самого утра. Но тут тихо.

– И никто больше не видел вторженцев?

– Пока нет. Да и новости молчат. Вроде, вчера никого не было. Устрой себе выходной. Сегодня спокойный день. Если что, я тут за тебя порешаю вопросы.

– Спасибо, Жаннк, – я улыбнулась трубке, – Слушай. Ты знаешь кто такой Герман Фишер?

– Хм. Слышала про него, когда училась на медицинском. По-моему, мы даже занимались по учебнику, который он составлял совместно с женой, тоже доктором.

– Значит, он уже старый?

– В возрасте, конечно. Но не прям старик. Они были молодыми гениями. Считай, наши современники. А что?

– Жанна, не засиживайся долго в Центре, а приезжай лучше ко мне.

– Что, Алекс опять уезжает?

– Нет. Я имела ввиду – к нам, конечно же.

– Ты знаешь, я и не собиралась задерживаться. Мой тесть устраивает небольшую вечеринку на острове в яхт-клубе в честь своего дня рождения. Скоро поеду туда. Приезжайте и вы с Алексом. Все будут очень рады. С Юлькой моей поговоришь, а то она совсем расклеилась, потеряла всякую надежду на возвращение сына.

– Спасибо. Я поговорю с Алексом. А так, было бы здорово.

Я нажала кнопку отбоя и встретила взглядом сияющего возлюбленного с подносом, заполненным азиатскими вкусами.

– Налетай, – весело скомандовал он.

Я налетела, но еда застревала в горле.

Дождавшись, пока Алекс закончит с аппетитом поедать любимые блюда, я выпалила.

– Алекс, кажется я совершила большую ошибку.

Меня и впрямь охватила паника. Паника от которой становится тяжело дышать и трясутся руки.

Я начала судорожно и обрывисто рассказывать про вчерашний вечер.

– Я выгнала его, понимаешь? Не дала ему и слова сказать. Повела себя как полная идиотка. Какой бы бред он не нес, он говорил о детях. А я не стала слушать и выставила его за дверь. Не понимаю, что на меня нашло!

Алекс осознал всю серьезность моего внезапного психоза. Он пересел поближе ко мне и крепко сжал мои руки в своих ладонях.

– На самом деле я с самого утра понимала, что совершила нечто ужасное, но гнала от себя эти мысли. Я просто не могла тебе сразу выложить, что я была вусмерть пьяна, пустила в дом незнакомого подозрительного человека и выслушала от него подобную чушь.

– Погоди, успокойся. Ничего непоправимого не случилось. Он приходил позавчера, вчера – и ничто не мешает ему прийти снова.

– Но я облажалась! Он пришел именно ко мне. Я узнавала – больше ни с кем солдаты не выходили на связь. А я наивно полагала, что это группа аферистов, которая собирается массово пудрить мозги скорбящим матерям.

– Я бы рассудил именно так. Ты знаешь – мне легче поверить в версию с инопланетянами, чем с детьми-акселератами. Но ты уверена, что это был не подросток?

– Нет. Ему было около тридцати. Даже дети, которых забрали в десять лет не могут так вырасти за два года. А ты видел их. Они все здоровые мужики, хоть лица и скрывались под очками.

– Неспроста он выбрал время, когда меня нет дома. Уж я бы его не отпустил, не разобравшись кто он на самом деле. И он об этом знал. Кстати, оружие было при нем?

– Нет, ни оружия ни очков не было. Только форма. Что же теперь делать, милый? Просто ждать, когда он придет снова?

– Ну, судя по твоим словам, он хоть и был раздосадован твоим недоверием, но путь тебе указал.

– Герман Фишер? Да, он сказал, что навестит меня снова, если я поговорю с этим человеком.

– Ну вот. Если хочешь, поедem прямо сейчас. Я помню адрес.

– Поехали.

Глава 11

– Он назвал себя солдатом армии спасения. Вроде как они выторговали у кого-то право нас спасти, – вспоминала я вчерашнюю ночь, смотря невидящим взглядом на проносящийся за окнами лес.

– Не мучай себя догадками. Скоро приедем.

– Я бы без тебя не нашла это место. Не знала, что всего в нескольких километрах от города бывает такая глушь.

– Ты еще не видела этот дом, – Алекс многозначительно поднял брови.

– Это не дом, – откликнулась я спустя пять минут, когда мы заехали на территорию владений Германа Фишера, – Это настоящий замок.

– Сейчас он выглядит намного дружелюбнее, чем десять лет назад. Решетки с окон сняли. И забор больше не заперт наглухо.

И впрямь дом утопал в зелени: кругом сосны, а по каменным стенам расползались живые изгороди. Мы подъехали к самому входу в особняк.

На крыльцо навстречу нам вышел высокий статный господин в сером дорогом костюме и при галстуке.

– Это он?

– Да. Всегда готов к встрече гостей.

Я пригляделась. И не увидела старика, который писал учебники в то время, когда Жаннна была студенткой меда. Он был прекрасен, немного величественен. Седина благородно пробивалась сквозь густую шевелюру зачесанных назад волос. Глубокие мимические морщины, выдававшие возраст за пятьдесят, ни чуть не портили его, но подчеркивали природную красоту и правильность черт.

– Это случайно не граф Дракула? – прыснула я.

– Вот уж не знаю, какие чудеса творятся в этом доме. Или творились. Пойдем знакомиться.

Алекс проворно выбрался из машины, оббежал ее, открыл мне дверцу и подал руку. Я почувствовала себя важной леди, приехавшей на встречу к знатному лорду.

Да и одета я была как на прием – строгое платье по фигуре благородного оранжевого оттенка в стиле Мэрилин. Не хватало только изысканной шляпки и тонких перчаток.

Хозяин встретил нас довольно радушно, хоть и не признал сразу:

– Я вот смотрю на вас и думаю: то ли вы заплутавшие путники, то ли решили удостоить визитом вашего покорного слугу.

– А разве в округе есть что-то еще, поехав куда, можно случайно свернуть к вашему прекрасному дому?

– Ну, есть яхт-клуб. Немного в другой стороне. Бывает, что на обратном пути отдыхающие пропускают поворот на город и приезжают сюда.

– Но вы все равно оставляете ворота открытыми, не так ли? – вступил в разговор Алекс, чем отвлек хозяина, который пристального разглядывал меня.

Он представился и протянул руку господину Фишеру:

– Я возглавляю фирму, которая обеспечивала неприступность вашей крепости несколько лет назад.

– А, то дела давно минувших дней, – умело скрывая нотки разочарования, ответил Герман, – Теперь я понял, что был склонен к излишнему максимализму. Охрана больше не актуальна. Тут только я и прислуга. Мне жаль, что вы зря проделали этот недолгий путь. Вам стоило просто позвонить.

Меня задело высокомерие, направленное в сторону Алекса, и я решила положить конец этому затянувшемуся обмену любезностями.

– Мы тут вовсе не за этим. Мир полон совпадений. Что поделаешь? На самом деле это я хотела с вами познакомиться. Меня зовут Маргарита Жданова. Я жена...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.